

В. А. Шкерин
**КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС
 В РАННИХ ДЕКАБРИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ***

doi: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-153-161

УДК 94(47)“18” ББК 63.3(2)521-425.2

По свидетельству П. И. Пестеля, движение декабристов началось в 1816 г. с желания «даровать свободу крепостным крестьянам». Однако уже при написании устава Союза спасения обнаружилась невозможность сплочения дворянства вокруг такого лозунга. К началу 1817 г. тайное общество обозначило своей целью установление конституционной монархии. По мнению М. В. Нечкиной, антикрепостнический лозунг стал неотъемлемой частью конституционной программы, тогда как С. С. Ланда утверждал, что Союзом спасения «вопрос об освобождении крестьян не рассматривался в практической сфере». В уставе возникшего в 1818 г. Союза благоденствия требование отмены крепостного права также отсутствовало: его члены лишь обязывались «склонять помещиков к хорошему с крестьянами обхождению». При этом еще А. Н. Пыпин и В. И. Семевский отмечали, что при составлении этого документа из послужившего ему образцом устава прусского Союза добродетели (*Tugendbund*) был исключен пункт об обязательном освобождении крестьян, принадлежавших членам общества. Немногие антикрепостнические акции членов Союза благоденствия имели характер личной инициативы. К началу 1820-х гг. в силу внешних и внутренних причин в тайном обществе утвердилась мысль о недостижимости свободы вообще (в т. ч. и свободы дворянства) без ликвидации крепостного права. Характер постулата эта мысль обрела уже после самоликвидации Союза благоденствия.

Ключевые слова: *движение декабристов, Союз спасения, Союз благоденствия, крестьянский вопрос, крепостное право, история России первой четверти XIX в.*

В январе 1826 г. доставленный незадолго до этого в Петропавловскую крепость П. И. Пестель утверждал на допросе, что движение декабристов началось в 1816 г. с желания «даровать свободу крепостным крестьянам и для того пригласить большую часть дворянства к поданию о том просьбы государю императору». Впрочем, по его словам, «первоначальная мысль о сем была кратковременна: ибо скоро получили мы убеждение, что нельзя будет к тому дворянство склонить», и с началом 1817 г. у членов Общества истинных и верных сынов отечества (Пестель настаивал, что «никогда... не слышал» названия «Союз спасения») «появились мысли конституционные, но весьма неопределительные; однако же более склонные к монархическому правлению».¹ В апреле 1826 г., после многочисленных допросов,

он подтвердил, что «настоящая цель первого общества была введение монархического конституционного правления; а одно освобождение крестьян от крепости было целью при самом первом начале и весьма короткое время; но вместе с принятием устава об устройстве общества принята и цель конституции».²

Версия П. И. Пестеля об изначальных целях движения оставалась неизменной, ее же декабристведческие трактовки со временем менялись. Академик М. В. Нечкина в своем классическом двухтомнике 1955 г. утверждала, что вторая цель не заменила первую, а дополнила ее: «Оба лозунга — борьба против крепостного права и против самодержавия — с этого момента соединились прочно, вошли в идеологию декабризма и так и остались в ней до конца движения, переживая различные модификации, но никогда не меняясь в существе».³ Если же члены Союза спасения более не называли отмену крепостного права своей целью, то только потому, что она стала частью цели более масштабной: «Не приходится сомневаться, что вопрос об освобождении крестьян, о ликвидации “рабства” включался в эту основную цель конституционного

¹ Восстание декабристов: материалы. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 101.

Шкерин Владимир Анатольевич — д.и.н., в.н.с. Центра социальной истории, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: shkerin_uit@mail.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00649 «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII — первой половины XIX в.: коммуникативные практики и каналы социального взаимодействия» (рук. Д. В. Тимофеев)

² Там же. С. 101.

³ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 152.

государственного переустройства России».⁴ Спустя два десятилетия в таком заключении усомнился С. С. Ланда: «Из показания Пестеля неясно, была ли включена в программу тайного общества наряду с конституционной целью задача освобождения крепостных, либо она была временно отложена по тактическим соображениям».⁵ И, по мнению этого историка, «тактические соображения» (стремление заручиться поддержкой дворянства) возобладали: «В 1816–1817 гг. первоочередной и главной задачей Союза спасения была подготовка сил к революционному перевороту, целью которого было установление конституционной монархии. Вопрос об освобождении крестьян не рассматривался в практической сфере программных решений».⁶

«Статут», или устав, Союза спасения был уничтожен членами общества на рубеже 1817–1818 гг. Доказывая антикрепостнический характер утраченного документа, М. В. Нечкина применяла указанный выше логический прием: если декабристы называли целью организации конституцию и представительное правление, то, следовательно, предусматривали и ликвидацию крепостного права: «Без этой ликвидации немыслимо было новое — представительное — устройство государства».⁷ Утверждение более чем спорное. Людям первой половины XIX в. было не только мыслимо, но и зримо рабство при конституционной, представительной и даже республиканской форме правления. Статьи о рабстве в Соединенных Американских Облациях с намеком на отечественные реалии были нередки на страницах «Сына отечества» и других российских журналов.⁸ Да и сами отечественные реалии поражали «странными сближениями». В наброске 1813 г. известный либерал и англоман адмирал Н. С. Мордвинов предлагал даровать членам верхней палаты будущего российского парламента (т. н. вельможам) по 10 тыс. душ из числа казенных крестьян.⁹ По свидетельству декабриста Н. И. Тургенева, адмирал го-

ворил ему, что «императору следовало бы разделить все казенные земли империи между знатнейшими родами и сформировать из представителей этих родов палату пэров или лордов, которая могла бы играть важную роль в организации управления страной и в принятии конституции».¹⁰

Созданный в 1818 г. Союз благоденствия сделал ставку на формирование общественного мнения и вовлечение в свои ряды как можно большего числа сторонников. Сохранилась первая часть его «Законоположения», или устава (также именуемая «Зеленой книгой»), в которой цель общества определялась весьма абстрактно: «...Союз благоденствия в святую себе вмняет обязанность распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения споспешествовать правительству в возведении России на степень величия и благоденствия, к коей она самим Творцом предназначена» — или же просто обозначалась словосочетанием «благо отечества».¹¹ «Зеленая книга» декларировала, что «люди не суть товар и что только простиительно одним народам, непросвещенным светом христианства, почитать подобных себе собственностью, участию коей каждый, имеющий оную, располагать может по произволению».¹² Но однозначного требования отмены крепостного права в ней нет: члены общества лишь «стараятся склонять помещиков к хорошему с крестьянами обхождению», «выхваляют помещиков, известных своим добрым с подвластными обхождением», «истребляют продажу крепостных людей в рекруты; отклоняют вообще от продажи их поодиночке» и «обращают внимание помещиков на отклонение крестьян бродить по миру».¹³

Публикатор и первый исследователь «Зеленой книги» А. Н. Пыпин доказал, что ее основой послужил устав прусского Союза добродетели (*Tugendbund*). Пыпин же отметил различия между двумя документами, в числе которых было и такое: «Немецкий устав положительно настаивает на освободительных мерах относительно крестьян и требует, чтобы тот, кто вступает в союз, обязался освободить своих крестьян (если их имеет) от подданических отношений и обеспечить их

⁴ Там же. С. 157.

⁵ Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов 1816–1825. М., 1975. С. 82.

⁶ Там же. С. 83.

⁷ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 152.

⁸ См.: Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. Челябинск, 2011. С. 265–267; Эткинд А. Толкование путешествий: Россия и Америка в траvelогах и интертекстах. М., 2001. С. 74; и др.

⁹ См.: Семёнова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 72.

¹⁰ Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 59.

¹¹ Законоположение Союза Благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 241, 242.

¹² Там же. С. 273.

¹³ Там же. С. 262, 272, 273.

землею. В русском уставе этого совсем нет, и помещикам рекомендуется только человеческое отношение к крестьянам и забота об их просвещении». ¹⁴ Так же и В. И. Семевский, комментируя это различие, заключил, что «не только мысль об освобождении крестьян с земельным наделом не созрела еще среди основателей Союза благоденствия, но в уставе его они не решились прямо говорить о каком бы то ни было освобождении крепостных». ¹⁵ Признавая отсутствие в «Зеленой книге» требования ликвидации крепостного права, но и не соглашаясь с Пыпиным и Семевским в оценке Союза благоденствия, М. В. Нечкина утверждала, что «первая часть... не была полной программой общества, ибо не отражала его основных целей»: «Простое сопоставление первой части со свидетельствами участников организации об основных задачах Союза, во имя выполнения которых они в него и вступили, говорит за себя». ¹⁶ При этом делались ссылки на следственные показания С. П. Трубецкого, И. Д. Якушкина, П. Колошина, Н. И. Кутузова, называвших освобождение крепостных одной из целей Союза благоденствия, а также на записку 1821 г. доносчика М. К. Грибовского.

Действительно, в следственных показаниях декабристов и в их мемуарах образ Союза благоденствия более соответствует понятию оппозиционной организации, чем в уставном документе тайного общества. Это несовпадение, казалось бы, легко объяснить тем, что «сокровенные» цели организации были изложены во второй части устава. Так, В. А. Фёдоров полагал, что «краткое содержание основных положений этой части» дано в мемуарах декабриста А. М. Муравьева: «...уничтожение рабства, равенство граждан перед законом, гласность судопроизводства...» и т. д. ¹⁷ Но еще С. Н. Чернов не без иронии писал, что «следственная комиссия очень интересовалась... “второй частью”, искала ее и признаний о ней» и «исследователи также ею весьма интересуются», но все безрезультатно. ¹⁸ Вторая часть устава была всего лишь «черновым проектом»,

видели ее немногие, а все экземпляры были сожжены. Неслучайно М. В. Нечкина доказывала «несовпадение программы Союза благоденствия с первой частью “Зеленой книги” ...без каких бы то ни было ссылок на ее вторую часть» (впрочем, ниже по тексту все-таки писала, что «аграрная программа Союза... еще не была принята», именно потому что «вторая часть “Зеленой книги” еще не была проголосована и подписана»). ¹⁹ Она же, вопреки мнению своего ученика В. А. Фёдорова, утверждала, что А. М. Муравьев излагал содержание не второй части «Зеленой книги», а устава Союза спасения. ²⁰

Попытку объяснить отмеченное несоответствие без ссылок на утраченные уставные документы недавно предпринял П. В. Ильин, сравнивший положения «Зеленой книги» со следственными показаниями и с двумя редакциями мемуаров одного из ее авторов — князя С. П. Трубецкого. Историк отметил, что «под пером Трубецкого Союз приобретает более различимую и насыщенную политическую окраску, превращаясь в оппозиционную силу, поддерживающую полезные правительственные шаги и критикующую злоупотребления и недостатки правления». ²¹ Члены Союза благоденствия, по свидетельству мемуариста, были обязаны не только «распространять убеждение в необходимости освобождения крестьян», но и «освобождать своих крестьян, когда поступят к ним во владение». ²² Интересно, что и М. К. Грибовский, вопреки тексту «Зеленой книги», также писал про «освобождение крестьян, к чему каждый член был обязываем». ²³ «Трубецкой в ряде случаев вышел за пределы содержания уставного документа, — заключает Ильин. — По всей видимости, в показаниях и воспоминаниях он раскрыл политические замыслы и намерения руководителей Союза благоденствия, указав на цели политического характера, которые имелись в виду инициаторами, но не были отражены в “Законоположении” (ограничение самодержавия, отмена крепостного права), упомянул практические

¹⁴ Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900. С. 379–380.

¹⁵ Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 422.

¹⁶ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 188, 195, 208.

¹⁷ Муравьев А. М. Записки («Мой журнал») // Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 126; Фёдоров В. А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 59.

¹⁸ Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения: избранные статьи по истории декабризма. Саратов, 1960. С. 262.

¹⁹ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 208, 231, 232.

²⁰ См.: Там же. С. 157.

²¹ Ильин П. В. Устав Союза благоденствия в отражении следственных показаний и воспоминаний С. П. Трубецкого // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 62.

²² Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 57.

²³ Записка о Союзе благоденствия, представленная Александру I в мае 1821 г. // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 182.

действия, которые требовались от участников (противодействие “злоупотреблениям” правительства, распространение преобразовательных идей и политических знаний, освобождение собственных крестьян)».²⁴

Таким образом, П. В. Ильин вслед за М. В. Нечкиной признает, что политические планы, зревшие в Союзе благоденствия, выходили за мирные пределы «Зеленой книги». Но в его трактовке С. П. Трубецкой раскрывал «замыслы и намерения руководителей», мотивы «лиц, которые стояли у истоков, а затем у руководства декабристского общества». В изложении же Нечкиной лидеры выражали мнение всего общества и возможность иных точек зрения у рядовых членов не предполагалась. Между тем члены Союза благоденствия пользовались свободой мнений и действий, немислимой в позднейших нелегальных оппозиционных организациях. Так, Трубецкой, сообщая на следствии, что «члены общества должны были... изыскать необходимость освобождения крестьян от крепостного состояния», тут же делал оговорку: «Чтоб быть членом, не требовалось, однако ж, убеждения в сей мысли».²⁵ Достаточно было слыть нравственным человеком и иметь возможность приносить пользу тайному обществу в других начинаниях. Смена ориентиров — с революционного переворота на формирование общественного мнения — предполагала и иные критерии отбора новых членов. «Главным на том этапе..., — пишет В. С. Парсамов, — было налаживание контактов не с военной, а с писательской средой».²⁶

Одним из таких «писателей» стал библиотекар гвардейского штаба, переводчик и публицист М. К. Грибовский. В истории он остался прежде всего как автор записки о Союзе благоденствия, переданной Александру I через начальника штаба гвардейского корпуса А. Х. Бенкендорфа в 1821 г. Эта записка (а также предыдущие и последующие) была составлена, можно сказать, по долгу службы, так как после Семеновской истории 1820 г. Грибовский возглавил тайную военную полицию.²⁷ Не ведая об этой стороне его деятель-

ности, декабристы зато знали, что еще в 1816 г. Грибовский защитил в Харьковском университете магистерскую диссертацию «О состоянии крестьян господских в России», тогда же изданную отдельной книгой. Полковник И. Г. Бурцов вспоминал на следствии «сочинение г. Грибовского... касательно освобождения крестьян, напечатанное в небольшом числе экземпляров (и как слышно было) удостоившееся высочайшего внимания государя императора».²⁸ Задавшись вопросом о том, как Грибовский стал членом тайного общества, С. В. Мироненко также ссылается на это сочинение: «Изданием брошюры о пагубности крепостного права он зарекомендовал себя сторонником либеральных идей, ...его признали “своим” и он стал не просто членом Союза благоденствия, но и вошел в состав его руководящего органа — Коренной управы (или Коренного совета)».²⁹

Однако уже на первой странице своего сочинения, сразу после посвящения графу А. А. Аракчееву, М. К. Грибовский писал, что «мнение утверждающих рабство противным вовсе уму и уничижающим природу человеческую, кажется слишком пристрастным». Он избегал применять это понятие к реалиям современной ему России, зато, описывая историческую эволюцию крепостного права (которая составляла предмет его исследования), отождествлял рабство с крепостным состоянием. Общество автор уподоблял семье, в которой есть просвещенные отцы-рабовладельцы и неразумные дети — рабы: «Бывает время, что часть членов его (общества — *В. III.*) находится в состоянии подобном детству; и пока государство не достигнет той степени совершенства, что действия всех членов его не могут уже поколебать общественного порядка, до тех пор рабство и власть господ необходимы. Власть сия заменяет часть власти полицейской в государстве: она управляет поступками рабов, направляет их к общей цели и обуздывает неуместные порывы». Право собственности, гарантируя свободу господ, одновременно оправдывало несвободу рабов: «Почитая раба вещью, которою владелец располагает по своей воле, должно допустить и продажу его; ибо иначе ограничение собственности стеснит права господина». Также и крепостное право под пером Грибовского оказывалось выгодным

²⁴ Ильин П. В. Указ. соч. С. 67.

²⁵ Там же. С. 61.

²⁶ Парсамов В. С. Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. М., 2016. С. 122.

²⁷ См.: Грибовский М. К. Неизвестный донос о тайном обществе / публ. В. М. Боковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М., 2003. С. 78–84; Лапин В. В. Семёновская история: 16–18 октября 1820 года. Л., 1991. С. 217–222.

²⁸ Восстание декабристов: документы. М., 2001. Т. 20. С. 190.

²⁹ Мироненко С. В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX в. М., 2017. С. 121.

самим крепостным: «Крестьяне, привыкнув к власти господ, не могут не прийти в беспорядок, когда, неприготовленные к тому, будут вдруг освобождены». Потому освобождение их должно быть не массовым и не единовременным, но подобным процессу взросления и зависимым от просвещенности освобождаемых: «...неожиданно уничтоженное отношение помещиков и крестьян могло бы привести в потрясение политическое тело; но постепенно приобучаемые к тому крестьяне, малыми частями поступая в число свободных, входят в состав сих, смешиваются с ними, и перемена, едва заметная, приносит большую пользу».³⁰

Излагаемые Грибовским идеи, очевидно, имели не либеральный, а консервативный характер. Освобождение крестьян отодвигалось им в неопределенное будущее. О том, что взгляды его не поменялись с 1816 по 1821 гг., можно судить по тексту известной записки: «Есть многое, до чего, как до больного места, чтоб не почувствовать, не должно прикасаться; но частые напоминания и, так сказать, беспрестанные атаки по заведенной системе на понятия о рабстве, цепях неволи, тиранстве, несоблюдении правосудия и пр., врезываясь в памяти, давали бы дурное мнение и посеяли бы отвращение от существующего очерняемого порядка и желание перемен».³¹

Но, может быть, дела Грибовского противоречили его письменным декларациям? Одно из писем к нему Ф. Н. Глинки 1821 г. начинается словами: «Вручитель сего письма есть тот самый Сибиряков, в судьбе которого и Вы принимали живое участие. Теперь он свободен».³² Речь о широкой кампании по выкупу из крепостной неволи поэта и актера С. И. Сибирякова, в которой участвовали члены тайного общества Ф. Н. Глинка и Н. И. Тургенев, литераторы П. П. Свиньин, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский и даже столичный генерал-губернатор граф М. А. Милорадович. Что касается Грибовского, то он действовал не вопреки, а в согласии со своим мнением о зависимости права на свободу от просвещенности. В. М. Бокова пишет: «Если по поводу необходимости освобождения крепостных в “просвещенном кругу” еще были сомнения: нужно ли это делать и что чему должно предшествовать: просвещение свободе или свобода просвещению, то в отно-

шении уже “просветившихся” и талантливых крепостных все больше сторонников набирало мнение кн. П. А. Вяземского: “в образованном быту нельзя поставить на одну доску отличного художника и пьяного конюха; если уважать аристократию, то уважьте и ту, которую определила сама природа, выставя одного из тысячи”».³³ Она же напоминает о кампаниях по освобождению «просветившихся» крепостных, в которых принимали участие даже убежденные крепостники (как, например, адмирал А. С. Шишков, ходатайствовавший за поэта Е. И. Алипанова).³⁴

Как же Грибовский, не будучи противником крепостного права и не скрывая этого, вошел в состав руководства Союза благоденствия? Предположим, что Ф. Н. Глинка мог протезировать ему в надежде, что штабной библиотекарь будет полезен в иных начинаниях. Другие члены, как И. Бурцов, могли априори полагать, что причастный к руководству должен разделять их антикрепостнические убеждения. Но, как писал Трубецкой, «чтоб быть членом, не требовалось... убеждения в сей мысли». Книги же Грибовского, изданной «в небольшом числе экземпляров», Бурцов мог и не читать, а только слышать о ней.

22 марта 1818 г. попечитель Петербургского учебного округа граф С. С. Уваров выступил с речью на торжественном собрании Главного педагогического института. Оратор определил «истинное просвещение» как «точное познание... обязанностей и прав человека и гражданина» и декларировал, что «освобождение души через просвещение должно предшествовать освобождению тела чрез законодательство».³⁵ Подобно Грибовскому, Уваров уподоблял государство-общество живому организму и налагал на правительство обязанность решать, когда этот организм достаточно возмужал-просветился, чтобы воспринять свободу: «Государства имеют свои эпохи возрождения, свое младенчество, свою юность, свой совершенный возраст и, наконец, свою дряхлость. Наблюдение сих больших перемен первый долг попечительного правительства».³⁶ Один из слушателей, член Коренного совета Союза благоденствия Ф. Н. Глинка, опубликовал восторженный

³⁰ Грибовский М. К. О состоянии крестьян господских в России. Харьков, 1816. С. 1–3, 12, 92, 93.

³¹ Записка о Союзе благоденствия... С. 182.

³² Цит. по: Мироненко С. В. Указ. соч. С. 121.

³³ Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 344.

³⁴ См.: Там же. С. 342, 343.

³⁵ Речь президента Императорской Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта 1818 года. СПб., 1818. С. 25, 26, 48.

³⁶ Там же. С. 342, 343.

пересказ этой речи: «Свободу или все права человека в сложности должно давать только человеку. Для сего мудрый Правитель пострадается, прежде всего, очеловечить (т. е. просветить, образовать) народ свой, а там уже подарить его свободой. Свобода есть высшее благо человека. Да, это самая драгоценная и самая, однако ж, ломкая вещь, которую вверяют только людям возмужалым, благоразумным, и которой никогда не дают легкомысленным или детям».³⁷ Мнения будущего автора теории «официальной народности» и двух членов руководства тайного общества тут совпали. Впрочем, по замечанию В. М. Боковой, Глинка добавил в пересказ и мысль, в первоисточнике отсутствовавшую: «Истинно просвещенным народам мила одна власть, власть существа, не имеющего ни пороков, ни страстей, ни пристрастий, и это существо есть закон!»³⁸

Взгляды Ф. Глинки на крепостной вопрос не поменялись под воздействием идей Грибовского или Уварова — они были близки изначально. Будучи плодовитым литератором, он не оставил произведений, однозначно осуждавших «рабство». В прославивших его «Письмах русского офицера», изданных в 8-ми частях в 1815–1816 гг., Глинка противопоставлял «барина, отца своим крестьянам», за которым им «райское житье», тому, кто не был «отцом-помещиком», у кого крестьянам «отдыху нет ни на минуту».³⁹ Сама же связь крестьян с барином для автора органична, вопрос о ее разрыве не ставился: «Крестьяне у господина суть то же, что персты на руках: ими и чрез них приобретает он все, чем может удовлетворить нуждам и прихотям своим. Кто захочет изнурять и ранить собственные свои персты? — кто захочет истощать и грабить собственных своих крестьян? Сердце хочет сказать: никто! Но опыт, к сожалению, доказывает иногда противное».⁴⁰

³⁷ Глинка Ф. Подробный отчет другу о приятном вечере, проведенном в обществе просвещенных людей // *Сын отечества*. 1818. Ч. 45, № 13. С. 32, 33.

³⁸ Там же. С. 34; Бокова В. М. Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // *Очерки русской культуры XIX в. М., 2003. Т. 4. С. 93.*

³⁹ Пашков А. М. Декабрист Федор Глинка: между православным храмом и тайным обществом // *Империя и либералы: сборник эссе. СПб., 2001. С. 203.*

⁴⁰ Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода Россиян против Французов в 1805 и 1806, а также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные Губернии. М., 1815. Ч. 2. С. 97, 98.

В январе 1818 г. при открытии дворянских собраний в Полтаве и Чернигове генерал-губернатор Малороссии князь Н. Г. Репнин призвал слушателей изыскать «способы, коими не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими можно было бы обеспечить их благосостояние и на грядущие времена определить обязанности их».⁴¹ Речи, инициированные монархом, но не им произнесенные, послужили сигналом к началу общественной дискуссии.

Назвавшись «древним российским дворянином», князь Н. Г. Вяземский написал ответ Репнину, в котором размерами империи и непросвещенностью народа обосновывал неприемлемость для России европейского опыта: «Иное, что мы у них одобряем, не должно у нас введено быть, столько же по местному положению, сколько по свойству народа и степени его образования». У России свое «древнее и мудрое патриархальное правление», при котором «помещик поставлен в виде отца обширного семейства домочадцев своих», то есть крепостных. Поэтому «для благоденствия крестьян наших не нужно мыслить о химерическом новом положении, но токмо стараться поддержать во всей силе истинно доброе старое, приложив попечение о повсеместном его наблюдении и утверждении в пользу крестьян».⁴²

С «ответом сочинителю речи о защите права дворян на владение крестьянами» также анонимно (впрочем, оба авторства были легко раскрыты) выступил А. Н. Муравьев. Декабрист обрушился с критикой на «патриархальное правление» (превозносимое не одним Н. Вяземским, но также Грибовским и Глинкой): «Хорош тот патриарх, который покупает, торгует, продает себе подобных, меняет людей на собак, на лошадей; закладывает и уплачивает ими свои долги; вопреки воле их употребляет на свои удовольствия, прихоти; расторгает браки и часто, весьма часто удовлетворяет ими гнуснейшие свои страсти!» Оспаривал он и законность крепостного права:

⁴¹ Цит. по: Равдин Б. Н., Рогинский А. Б. Записка декабриста М. Н. Новикова «О земледелии и мануфактурах в России» (1816 г.) // *Освободительное движение в России. Саратов, 1975. С. 123.*

⁴² Послание российского дворянина к князю Репнину (Николаю Григорьевичу), Малороссийскому военному губернатору и генерал-адъютанту. 4 апреля 1818 г. г. Москва // *Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1895. Вып. 7. С. 157, 158, 161.*

«Самое уменьшение уверенности дворянства в вековечном его достоянии, основанном на беспрекословном распоряжении имуществом и особою крестьянина... не есть ли, в самом деле, сознание в несправедливости власти, в незаконной собственности его?» Провозглашал «благодарение тому, ...кто невольникам оковы расторгает». Общий вывод, однако, сводился к требованию не ликвидации «рабства», а законодательной регламентации отношений: «Вы желаете, чтобы отношения помещиков и крестьян не изменялись и чтобы правительство отклонило некоторые токмо злоупотребления; я желаю, чтобы отношения владеющих и подвластных совершенно были определены справедливым, непрременным, постоянным законоположением, основанным на законе Божиим, следовательно, на сущей правде, законоположением, которым Россия возводилась бы на степень величия и благоденствия, к коей она самим Творцом предназначена».⁴³

Решительным противником крепостничества проявил себя Н. И. Тургенев. При прочтении «Зеленой книги» он был удивлен и удручен, не найдя «среди записанных в уставе общества благих намерений первостепенной... задачи — уничтожения рабства». Отметив этот пробел, Тургенев объявил приглашавшему его в Союз благоденствия С. П. Трубецкому, что соглашается, дабы «обратить внимание других членов на освобождение крепостных», что и было одобрено собеседником. В обществе Тургенев призывал сочленов: «...немедленно отпустите на волю дворовых и примите меры к освобождению крестьян, обратившись к правительству, ибо это разрешено законом». Подавая пример, он освободил своих дворовых, которые, однако, продолжили служить ему по своей воле.⁴⁴ В начале 1820 г. Тургенев подал на высочайшее имя записку «Нечто о состоянии крепостных крестьян в России». Заочно дискутируя с тактическим выбором Союза благоденствия, он утверждал, что «всякое распространение политических прав дворянства было бы неминуемо сопряжено с пагубою для крестьян, в крепостном состоянии находящихся», а потому «грешно помышлять о политической свободе там, где миллионы не знают даже и свободы естественной». Для решения проблемы монарху предлагались два варианта: первый сводился к регламентации

отношений помещиков с крепостными, второй заключался в обращении всех крестьян в «свободные хлебопашцы». Освобождение, впрочем, мыслилось как безземельное: «удержав за собою собственность земли», помещики обязывались заключать с крестьянами «добровольные условия». «Нечто» было передано императору и, по горькому замечанию автора, «там и село».⁴⁵

Освободить своих крепостных на подобных условиях пытался в 1819–1820 гг. И. Якушкин. В прошении на имя министра внутренних дел он изъявил готовность предоставить крестьянам «их имущество, строение и землю, находящуюся под усадьбами, огородами и выгонами, не требуя с них никакой за это платы», чтобы «заключать с ними добровольные с их стороны условия касательно обработки земель».⁴⁶ По подсчетам М. В. Нечкиной, на каждый крестьянский двор в этом случае пришлось бы около десятины,⁴⁷ тогда как по указу о вольных хлебопашцах 1803 г. участки должны были быть не менее 8 десятин.⁴⁸ Министерство отвечало, что освобождение на условиях Якушкина возможно, если крестьяне изъявят «свое мнение о способах, коими они могут иметь достаточное количество земли, как для своего продовольствия, так и для обеспечения правительства в исправном платеже податей». Крестьяне же, узнав о возможности своего безземельного освобождения, отвечали: «Ну так, батюшка, оставайся все по-старому: мы ваши, а земля наша». Не помог и визит Якушкина в министерство. «Министр внутренних дел сказал ему, что мужики должны быть отпускаемы на волю не иначе, как с землею», — комментировал итог дела Н. И. Тургенев.⁴⁹

Можно вспомнить и духовное завещание М. С. Лунина, в котором декабрист в 1819 г. назначил наследником не родную сестру, а кузена Н. А. Лунина, с тем чтобы последний в течение 5 лет после смерти завещателя провел в имении безземельное освобождение крестьян. Документ этот был не более чем благим пожеланием, потому что указ от 19 декабря 1804 г. запрещал перевод крепостных в вольные

⁴³ См.: Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 131, 134, 136.

⁴⁴ Тургенев Н. И. Указ. соч. С. 55–59.

⁴⁵ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 233, 234.

⁴⁶ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. Репринтное воспроизведение изд. 1951 г. СПб., 2007. С. 463.

⁴⁷ См.: Нечкина М. В. Указ. соч. С. 237.

⁴⁸ См.: Указ об отпуске помещиками своих крестьян на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных. 20 февраля 1803 г. // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1988. Т. 6. С. 34.

⁴⁹ Записки... С. 29, 532, 689 (комментарии).

хлебопашцы на основании таких завещаний.⁵⁰ Неслучайно М. Лунин там же писал: «Уничтожение крепостного права на крестьян и дворовых людей должно последовать... по распоряжению наследника моего...»,⁵¹ — то есть попадало в зависимость от воли Н. Лунина.

Почему, говоря о пагубности крепостничества, члены Союза благоденствия не спешили освобождать собственных крепостных? Ссылка на то, что «декабристы были молодыми людьми и имениями распоряжались не они, а их родители»,⁵² лишь отчасти справедлива: некоторые успели вступить в права собственников, в том числе и такие влиятельные в тайном обществе, как С. П. Трубецкой, Н. М. Муравьёв, С. Г. Волконский, М. Ф. Орлов.⁵³ По замечанию М. В. Нечкиной, «тайная организация не требовала от своих членов освобождения крестьян, им принадлежащих; она была заинтересована не столько в частных экспериментах или филантропии, сколько в завоевании такой конституции, такого представительного правления, по основному закону которого крестьяне были бы освобождены от крепостного права».⁵⁴ Она же признавала, что «Союз благоденствия... не разработал в своей “сокровенной” программе точного проекта освобождения крестьян; он лишь усердно трудился над этим вопросом, причем выявились разные течения».⁵⁵

Подведем итоги. За первое пятилетие существования декабристских организаций (два

года — Союз спасения, три — Союз благоденствия) ликвидация крепостного права не была сформулирована ни как проект, ни как общее требование. Первая часть «Законоположения» Союза благоденствия (единственный доступный для изучения программный документ) призывала к «хорошему с крестьянами обхождению», и подавляющее большинство членов тайного общества ограничилось ролью «барина, отца своим крестьянам». Выходившие за пределы этой роли антикрепостнические записки и попытки освобождения собственных крепостных были слишком малочисленны, чтобы можно было увидеть в них срежиссированную Коренным советом кампанию. От издания указа о вольных хлебопашцах в 1803 г. и до отмены крепостного права в прибалтийских губерниях в 1816–1819 гг. антикрепостническая повестка в России определялась верховной властью и, прежде всего, самим Александром I. В 1820–1821 гг., наоборот, уже явственно проявился отказ монарха от реформаторского курса. Соответственно, иссякли причины «споспешествовать правительству» и у Союза благоденствия. Одновременно стараниями авторитетного экономиста и публициста Н. И. Тургенева в тайном обществе утвердилась мысль о несовместимости свободы вообще (в т. ч. и свободы дворянства) с крепостным правом. И уже в Северном и Южном обществах, возникших после самоликвидации Союза в 1821 г., эта мысль приобрела характер постулата.

Vladimir A. Shkerin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: shkerin_uit@mail.ru

THE PEASANT QUESTION IN THE EARLY DECEMBRIST ORGANIZATIONS

According to P. I. Pestel, the Decembrist movement began in 1816 with the desire to “grant freedom to the serfs”. However, already when writing the charter of the Union of Salvation, it became clear that it was impossible to rally the nobility around such a slogan. By the beginning of 1817, the secret society had named a constitutional monarchy as its goal. According to M. V. Nechkina, the anti-serfdom slogan was an integral part of the constitutional goal. S. S. Landa defended a different opinion, arguing that the Union of Salvation did not really consider the issue of peasant liberation. The charter of the Union of Prosperity, established in 1818, also did not require the abolition of serfdom: its members only undertook to “persuade landlords to treat peasants well”. A. N. Pypin and V. I. Semevsky also noted that from the text of the Prussian Union of Virtue, which served as a model for drafting the charter of the Union of Prosperity, the clause on the mandatory liberation of peasants belonging

⁵⁰ См.: Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1985. С. 41, 42.

⁵¹ [П. А.] Декабрист Михаил Сергеевич Лунин. Очерк его биографии, его завещание, письма из ссылки и политические статьи. Пг., 1917. С. 19, 20.

⁵² Фёдоров В. А. Указ. соч. С. 70, 71.

⁵³ См.: Бокова В. М. Эпоха... С. 336, 337.

⁵⁴ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 236.

⁵⁵ Там же. С. 238.

to members of the society was excluded. Few anti-serfdom actions of the members of the Union of Prosperity had the character of a personal initiative. By the early 1820s, due to a complex of external and internal reasons, the idea of the impossibility of freedom in general (including the freedom of the nobility) without the elimination of serfdom became firmly rooted in the secret society. This idea acquired the character of a postulate after the self-liquidation of the Union of Prosperity.

Keywords: *Decembrist movement, Union of Salvation, Union of Prosperity, peasant question, serfdom, history of Russia in the first quarter of the 19th century*

REFERENCES

- Bokova V. M. [The Restless Spirit of the Times. Social Thought of the First Third of the 19th Century]. *Ocherki russkoy kul'tury XIX v.* [Essays on Russian Culture of the 19th century]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 2003, vol. 4, pp. 17–152. (in Russ.).
- Bokova V. M. *Epokha taynykh obshchestv* [The Era of Secret Societies]. Moscow: Realii-Press Publ., 2003. (in Russ.).
- Chernov S. N. *U istokov russkogo osvoboditel'nogo dvizheniya: Izbrannyye stat'i po istorii dekabrizma* [At the Origins of the Russian Liberation Movement: Selected Articles on the History of Decembrism]. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta Publ., 1960. (in Russ.).
- Etkind A. *Tolkovaniye puteshestviy: Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh* [Interpretation of Travel: Russia and America in Travelogues and Intertexts]. Moscow: NLO Publ., 2001. (in Russ.).
- Fedorov V. A. *Dekabristy i ikh vremya* [Decembrists and Their Time]. Moscow: MGU Publ., 1992. (in Russ.).
- Ilyin P. V. [The Charter of the Union of Welfare in the Reflection of Investigative Testimony and Memoirs of S. P. Trubetskoy]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2023, vol. 22, no. 8, pp. 58–69. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-8-58-69 (in Russ.).
- Landa S. S. *Dukh revolyutsionnykh preobrazovaniy... Iz istorii formirovaniya ideologii i politicheskoy organizatsii dekabristov 1816–1825* [The Spirit of Revolutionary Transformations... From the History of the Formation of the Ideology and Political Organization of the Decembrists 1816–1825]. Moscow: Mysl' Publ., 1975. (in Russ.).
- Lapin V. V. *Semonovskaya istoriya: 16–18 oktyabrya 1820 goda* [The Semyonovsky History: October 16–18, 1820]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1991. (in Russ.).
- Mironenko S. V. *Aleksandr I i dekabristy: Rossiya v pervoy chetverti XIX v.* [Alexander I and the Decembrists: Russia in the First Quarter of the 19th Century]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2017. (in Russ.).
- Nechkina M. V. *Dvizheniye dekabristov* [The Decembrist Movement]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1955, vol. 1. (in Russ.).
- Okun' S. B. *Dekabrist M. S. Lunin* [Decembrist M. S. Lunin]. Leningrad: Izd-vo Leningrad. un-ta Publ., 1985. (in Russ.).
- Parsamov V. S. *Dekabristy i russkoye obshchestvo 1814–1825 gg.* [Decembrists and Russian Society of 1814–1825]. Moscow: Algorithm Publ., 2016. (in Russ.).
- Pashkov A. M. [Decembrist Fyodor Glinka: Between the Orthodox Church and the Secret Society]. *Imperiya i liberaly. Sb. esse* [Empire and Liberals. Collection of Essays]. Saint Petersburg: Zhurnal "Zvezda" Publ., 2001, pp. 201–222. (in Russ.).
- Ravdin B. N., Roginsky A. B. [The Decembrist M. N. Novikov's Note "On Agriculture and Manufactures in Russia" (1816)]. *Osvoboditel'noye dvizheniye v Rossii* [The Liberation Movement in Russia]. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta Publ., 1975, pp. 112–143. (in Russ.).
- Semyonova A. V. *Vremennoye revolyutsionnoye pravitel'stvo v planakh dekabristov* [The Provisional Revolutionary Government in the Plans of the Decembrists]. Moscow: Mysl' Publ., 1982. (in Russ.).
- Timofeev D. V. *Evropeyskiye idei v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiyskogo poddannogo pervoy chetverti XIX veka* [European Ideas in the Socio-Political Vocabulary of an Educated Russian Citizen in the First Quarter of the 19th Century]. Chelyabinsk: Entsiklopediya Publ., 2011. (in Russ.).

Для цитирования: Шкерин В. А. Крестьянский вопрос в ранних декабристских организациях // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 153–161. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-153-161.

For citation: Shkerin V. A. The Peasant Question in the Early Decembrist Organizations // Ural Historical Journal, 2024, no. 3 (84), pp. 153–161. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-153-161.